

ЧЕХ ИЗ ВОЛЫНИ В ЭПОХУ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

На основе архивных исследований изложен материал о Вацлаве Вондраке, представителе русских чехов во время Первой мировой войны, который стремился освободить чехов от австрийского господства.

The paper considers, with the use of archive research, representative of the Russian Czechs in the First World War — Václav Vondrák — who had a common goal — the liberation of the Czechs from Austrian domination.

Ключевые слова: русские чехи; Первая мировая война; Вацлав Вондрак.

Keywords: Russian Czechs; World War I; Václav Vondrák.

В довоенной России по переписи 1897 г. в общей сложности проживало 50 тыс. чехов — Российских граждан, из которых более половины — 27 тыс. — в Волынской губернии. Кроме того, многие чехи сохранили австрийское подданство. После начала войны российские подданные были мобилизованы в русскую армию, а австрийских подданных, не вернувшихся в Австро-Венгрию, как граждан вражеского государства ожидало интернирование. Чтобы отличаться от австрийских немцев, они проявляли лояльность к российскому государству и враждебность по отношению к монархии Габсбургов. В крупных российских городах, где проживало больше всего чехов, проводились антиавстрийские выступления.

В Петрограде уже 5 августа 1914 г. у памятника Екатерине II собрались местные чехи, чтобы пройти по Невскому проспекту к Казанскому собору, а затем до Зимнего дворца. Они требовали, чтобы им без промедления было предоставлено российское гражданство. Демонстранты несли гуситское знамя с изображением чаши, поэтому некоторые русские думали, что это демонстрация против запрета на продажу спиртного.

На следующий день в Москве состоялась демонстрация местных чехов, которые двигались к Кремлю под чешским бело-красным знаменем под руководством представителей местных чешских объединений Сватоплука Коничека и Луиса Тучека.

Массовая демонстрация против Австро-Венгрии состоялась в Киеве в зале Купеческого собрания и на соседней с ним Александровской площади, в верхней части главного проспекта Крещатика. Было принято решение, что австрийские чехи будут записываться в добровольческие чешские военные подразделения, а женщины — в Красный Крест. Был избран Чешский комитет помощи пострадавшим от войны, вдовам и сиротам, председателем которого стал предприниматель Йидржих Йидржишек, а секретарем — Вацлав Вондрак. Ко-

* Подготовлено в рамках проекта Агентства грантовой поддержки Чешской Республики P 410/12/0142.

митет располагался в принадлежавшем Вондраку отеле «Прага» на улице Большая Владимирская в центре города. Туда же должны были являться чешские добровольцы. Чешская газета «Čechoslovan» («Чехослован»), издаваемая в Киеве Венцеславом Швиговским, призывала чехов вступать в русскую армию или в создаваемое чешское подразделение.

Антиавстрийские демонстрации состоялись также в Харькове, Одессе, Варшаве, Ростове-на-Дону и в Екатеринодаре (ныне Краснодар). 20 августа 1914 г. царь Николай II принял в Кремле депутацию московских чехов, вручивших ему петицию, в которой они просили предоставить им российское гражданство и выразили пожелание, чтобы «чешская корона Св. Вацлава засияла в лучах короны Романовых». Вторая аудиенция русских чехов у царя состоялась 4 сентября 1914 г. в Царском Селе.

Уже 20 августа 1914 г. генеральный штаб дал разрешение на формирование чешского военного подразделения в Киевском военном округе. Условием для вступления в подразделение было прошение о предоставлении российского гражданства. Ожидалось, что в подразделение вступит 500 чешских добровольцев, которые будут подчиняться российским офицерам. Первыми прибыли в Киев добровольцы из Петрограда, Москвы, Одессы и Николаева, а затем чехи из Екатеринослава, Екатеринодара, Харькова, Волыни, Подолья, Варшавы, с Урала и Северного Кавказа. 11 октября (28 сентября по старому стилю) на Софийской площади в Киеве добровольцы приняли присягу на верность царю и России. После приведения к присяге речь произнес секретарь Чешского комитета Вацлав Вондрак, который подчеркнул, что «нас немного, но наша сила не в численности» [1, с. 1].

Вацлав Вондрак до Первой мировой войны принадлежал к ведущим организаторам чешской культурной и политической жизни в России, был сторонником конституционно-демократической Партии народной свободы (кадетов). После революции 1905 г. в России начал издавать в Киеве еженедельник «Ruský Čech» («Русский чех»), в котором уделялось внимание чешским интересам в России. Редакция находилась в принадлежавшем ему киевском отеле «Прага» на Владимирской улице. Газета отстаивала либеральные взгляды и вынуждена была противостоять репрессиям со стороны царских властей в отношении всей свободомыслящей прессы. Издателя Вондрака неоднократно штрафовали за публикуемые материалы. На страницах еженедельника «Ruský Čech» выходило множество статей, направленных против деятельности ультраправых клерикально-монархических и националистических черносотенцев. В редакционной статье «Черносотенцы и чешские крестьяне» указывалось, что черная сотня провоцирует чехов, количество черносотенцев на Волыни стремительно возрастает, а призыв «Россия русским» создает конфликтные ситуации там, где их раньше не было. Статья намеренно публиковалась на русском языке [2, с. 6–7]. В том же номере был перепечатан текст царского манифеста от 10 июня 1870 г. «О поселении чехов на Волынь», а читателям разъясняли, что чехи имеют право на землю, которую они возделывают. Показательной стала статья, в которой подчеркивалось, что чехи на Волыни — не колонисты, а полноценные граждане славянского государства.

Большая заслуга газеты Вондрака состояла в консолидации российских чехов: газета их воодушевляла, защищала и предостерегала. Еженедельник стремился сплотить местных чехов и приучал к тому, чтобы они осознали свое значение. К сожалению, газета не была настолько широко распространена, как можно было бы ожидать. Смелая позиция нового журнала в отношении бесчинств реакционной Почаевской лавры и их сторонников из числа губернской администрации и некоторых русских помещиков вызвала замешательство и растерянность у относительно консервативных чехов на Волыни. Вокруг редакции вскоре сгруппировалась элита чешской интеллигенции в России.

Издатель Вондрак, который одновременно являлся доверенным лицом Чешского национального совета в России, в 1908 г. писал в Прагу, что благодаря журналу достигнут большой культурный прогресс среди российских чехов: кроме всего прочего, появилось много люби-

тельских коллективов и читальных залов. В то же время он предупреждал о «чрезвычайно консервативном, тяжелом характере российских чехов» [3]. Вондрак предложил Предпринимательскому банку (*Živnobanka*) купить за 10 млн австрийских крон собственность графини Шуваловой на Волыни, занимался также возможностью канонизации Яна Гуса католической церковью, что должно было устранить конфликты между сторонниками разных вероисповеданий. Однако Чешский национальный совет относился к предложениям Вондрака с большой долей скептицизма. Участие чешского капитала в новой чешской колонизации Волыни было отклонено, поскольку «к этому делу проявлено мало интереса» [3]. В том же духе было высказано отношение к канонизации Гуса, на которую «нет единой точки зрения у чешских политических партий» [3].

В 1911 г. правительство России разрешило учреждать уездные и губернские земства и в западных губерниях. На выборах в Волынское губернское земство 22 июня (4 июля) 1911 г. чехи поддержали так называемый земский блок, состоявший из различных либеральных политических групп, от которого В. Вондрак выдвинул свою кандидатуру в курию землевладельцев. Решительно были отвергнуты кандидаты клерикально-националистического монархического Союза русского народа, программа которого базировалась на православии, самодержавии и русском национализме. Единодушные действия волынских чехов вели к поражению оппонентов. «Волынь должна быть благодарна чехам за то, что они освободили ее от реакционной поросли», — писал киевский чешский еженедельник «*Čechoslovan*» [4, с. 3–4].

В губернском земстве Вондрак занял критическую позицию в отношении царского правительства и жестко отстаивал чешские интересы на Волыни. Он был избран председателем комитета по просвещению, что привело к наложению вето Министерством внутренних дел. Повторное избрание Вондрак не принял, чтобы избежать конфликта с властями [5, с. 79–81].

Брак с дочерью одного из представителей Волынской губернии Софией Ещенко-Вондрак приобрел обширный земельный комплекс в северной части Волыни, который составлял 12 700 десятин земли. Кроме отеля «Прага» в Киеве ему принадлежало 3/14 завода «Чешская мостовая» в Киеве, 1/6 дома на Бибикивском бульваре в Киеве, пивоварня в Чернигове, дом по улице Золотоворотской в центре Киева, 11 десятин земельных участков под строительство вилл на берегу моря в Крыму. Вондрак имел 5 %-е долевое участие на антрацитовых шахтах, 120 акций типографии Корчак-Новицкого в Киеве, половину концессии на эксплуатацию государственных лесов в Волынской и Минской губерниях, а также 20 акций компании «Экстрафон» в Киеве. Для облегчения заготовок древесины он построил железную дорогу из Олевска (на трассе Киев — Брест) до Ивановой Слободы протяженностью 66 км. Его мать Анна Вондракова владела поместьем Димитровка под Киевом, земельные угодья которого занимали 40 десятин земли [6].

Вершина политической карьеры Вондрака пришлась на 1914–1917 гг. После того как разразилась Первая мировая война, его отель «Прага» в Киеве стал местом формирования «Чешской дружины». Вондрак, будучи членом земства, для которого были открыты двери в гражданские и военные ведомства, предполагал, что в результате военных событий в России появятся австрийские пленные, а среди них и чехи, поэтому предпринимал шаги к тому, чтобы предотвратить их отправку в Сибирь, так как в первое время российские власти не видели разницы между австрийскими чехами и немцами. Он вел переговоры с киевскими военными должностными лицами, в частности с главнокомандующим Юго-Западным фронтом генералом Н. Ивановым и начальником штаба генералом М. Алексеевым [1, с. 1].

С началом войны Вондрак развернул чрезвычайную активность. Он ездил в ставку главнокомандующего, бывал в ставках Юго-Западного фронта, ездил в Петроград, стремясь добиться отмены различных ограничений в отношении чехов — австрийских граждан, льгот в предоставлении российского гражданства и ускорения организации чехословацкого войска.

Будучи председателем Военной комиссии Союза чехословацких обществ на Руси, Вондрак приступил к вербовке чешских военнопленных австро-венгерской армии для работы на оборонных заводах. В апреле 1915 г. Вондрак встретился с чехами из 28-го пехотного полка габсбургской армии, перешедшими на сторону России. Там он озвучил обещание царского правительства в отношении тех славян, которые захотят воевать: после освобождения из плена они будут пользоваться всеми правами и привилегиями, имеющимися у граждан России.

На II съезде Союза чехословацких обществ на Руси, состоявшемся на Пасху 1916 г. в Киеве, В. Вондрак был единогласно избран председателем правления. Съезд направил телеграмму Т. Г. Масарику, в которой признал Национальный чехословацкий совет в Париже руководящим органом освободительного движения за границей. Военная комиссия под председательством Вондрака обратилась к съезду с предложениями по дальнейшему увеличению численности чехословацкой бригады, ее преобразованию в самостоятельную часть и о предполагаемой (с согласия царя) всеобщей мобилизации военнопленных и колонистов [7].

Заявление о лояльности Масарику, считавшемуся в царской империи персоной нон грата из-за его работы «Россия и Европа», вызвало негодование российского МИД. Чиновник министерства по чехословацкому вопросу Приклонский обвинил Союз чехословацких обществ на Руси в стремлении подчинить себе всю массу чехов в России «абсолютно неконтролируемой — тайной власти киевского комитета (вондраковское правление Союза. — *Я. В.*), а его посредством лондонскому комитету Масарика (Национальный совет в Париже. — *Я. В.*), который самоуправно представляет интересы всей Чехии в России и даже во всем мире» [8, с. 566—572]. По мнению чиновника, антироссийская ориентация Масарика была известна, так же как якобы антироссийская и антимонархическая позиция российского подданного Вондрака с его «киевским комитетом — покорным орудием в руках лондонских представителей». Усиление влияния этих двух комитетов якобы было политически нежелательным. Меры, планируемые киевским правлением Союза (в частности, «преждевременное и принужденное объединение чехов и словаков»), будто бы противоречили интересам России.

Проект организации чехословацкого войска в России был подан от имени правления Союза Вондраком 4(17) июня 1916 г., через три дня Вондрак был принят царем. На следующий день в Киев поступила телеграмма, согласно которой царь утвердил проект.

В августе 1916 г. в Киеве завершились переговоры между представителями Чехословацкого национального совета в Париже Йозефом Дюрихом и Миланом Штефаником и Союзом чехословацких обществ на Руси в лице Вацлава Вондрака и Яна Вольфа. В так называемом «киевском протоколе» говорилось, что чешский народ «испытывает абсолютное доверие к России, которая благородно выразила свое решительное желание продолжать свою историческую миссию, защищать и освобождать славянство» [8, с. 589]. Представители Союза вынуждены были согласиться с тем, что военные дела и вопросы по военнопленным являются частью дипломатической и политической деятельности, за которую несет ответственность Чехословацкий национальный совет в Париже. Его представителем в России стал депутат Дюрих, пользовавшийся полным доверием царского правительства.

Заместитель министра иностранных дел России А. А. Нератов требовал ограничить влияние вондраковского правления Союза и закрепить в нем главную роль за Дюрихом: «Пока под влиянием выходок Масарика, Вондрака и Штефаника... Дюрих начинает высказывать опасения» [9]. Тайный меморандум российского МИД по чехословацкому вопросу от 16(29) сентября 1916 г. требовал, чтобы чехословацкие дела в России возглавил депутат Дюрих, который получил бы право надзора за деятельностью Союза чехословацких обществ.

Председатель Славянского благотворительного общества академик А. И. Соболевский в октябре 1916 г. писал министру иностранных дел: «В настоящее время между русскими чехами ведется борьба. С одной стороны, стоит чех В. Вондрак, представитель Центрального комитета чешских организаций, существующих в России. Он является русским уроженцем и

больше русским, чем чехом. Как русский, он принадлежит к прогрессистам и известен как восторженный сторонник украинства, и в значительной степени русофоб... такой представитель находящихся в России чехов... среди русских, которые знают его, вызывает разные сомнения» [10, с. 19]. В противовес Вондраку Соболевский превозносил Дюриха, который якобы уже давно был известен как русофил: «Вондрак не выносит Дюриха. Кажется, что в этом он следует указаниям не столько своих сторонников среди чехов, как взглядам той русской политической партии, к которой он принадлежит. Разумеется, Вондрак не намерен уступить Дюриху свою роль руководителя чешских организаций и чешской прессы в России. Из-за нависшей угрозы скандала важно, чтобы российское правительство занялось этим делом и исполнило пожелания Дюриха, лишив Вондрака того высокого внимания, которое до сих пор ему уделялось, и тех денежных средств, которые правительство ему выделяло, предоставив их в распоряжение Дюриха» [10, с. 19].

Дюрих прервал существовавшую преемственность руководства чешским движением в России. Вондрак на основании киевского пакта был лишен своей политической и представительской власти в отношении к правительству и военному командованию. План Вондрака по мобилизации чешского движения в России был отодвинут на задний план. Его основополагающий принцип, парламент всех чехов и словаков в России, был перевернут с ног на голову признанием Дюриха «единственным законным представителем народа в России» [11, с. 101—103]. По мнению одного из русских чехов, Вондрак был «едва ли не единственным представителем чешской интеллигенции, родившимся на Руси и воспитанным в русских школах, сохранившим в чистоте свою национальность. Пробужденный сам, пробуждал других. Своим необыкновенным ораторским талантом и темпераментом он часто зажигал энтузиазм масс. Был дальновидным дипломатом. Вондрак был самым радикальным политиком среди поселенцев, что при его откровенном русофильстве и славянофильстве ему никак не мешало в правящих кругах. Он защищал революционный, демократический и национально-политический характер чехословацкого войска. Он был прогрессивным стержнем управления Союза. Желая спасти военный проект Союза, он пошел на компромисс с Дюрихом, которого парижский Национальный совет буквально навязал Союзу своим пресловутым киевским протоколом, за что от того же Совета впоследствии выслушивал нравоучения и безответственными агитаторами был откровенно предаваем» [11, с. 101—103].

В начале 1917 г. киевский пекарь Йиндрих Зивал, будучи председателем местного Общества чехословацкого единства, писал начальнику особого политического отдела МИД Приклонскому, что главным виновником хаоса в чешских делах является сторонник кадетов Вондрак, и требовал его отстранения от руководства правлением Союза [10, с. 25]. По мнению Э. Бенеша, недоверие царских властей к сторонникам Т. Г. Масарика распространялось и «на Союз чехословацких обществ (главным образом, в 1916 г., когда его возглавляла киевская группа), который упрекали в том, что он делает уступки проф. Масарику, что является недостаточно русофильским и что им руководит д-р Вондрак, которого укоряли в том, что он либерал и украинофил» [12, с. 295—296].

Вондрак попал под огонь критики с разных сторон. Во-первых, от сторонников русской, националистически ориентированной газеты «Киевлянин» Йиндриха Зивала, Франтишека Дедины и др. На Вондрака сыпались доносы за его предполагаемые неславянские, антиросийские, антимонархические и проукраинские взгляды. С другой стороны, на него нападали петербургские чехи, близкие к журналу «Čechoslovák», за его якобы «царефильские» и недемократические взгляды. В этой обстановке со своими требованиями в отношении руководства освободительным движением в России пришли Дюрих и российские власти, стремившиеся ограничить влияние вондраковского Союза. Кроме того, требования выдвигали военнопленные и войско, недовольные медленными действиями по освобождению военнопленных и созданию армии.

6(19) февраля 1917 г. председатель правления Союза чехословацких обществ Вондрак направил письмо руководителю дипломатической канцелярии главной ставки Н. А. Басилю о состоянии чехословацкого вопроса в России. Он сослался на то, что сразу же после начала войны чехословацкие общества в России объединились в союз, который на фронте организовал бригаду, а в тылу военнопленных, работающих на оборонных предприятиях, в своей агитации занимался четкой русофильской политикой: «Разве мы, российские подданные, родившиеся и воспитанные, часто женившиеся на русских, привязанные своей собственностью здесь, служебными и общественными интересами — разве мы не лояльны?» [8, с. 613—614].

После Февральской революции 1917 г. Союз чехословацких обществ продолжал работать, но руководство Вондрака стало предметом нападок и критики за сотрудничество с царским режимом. Сам Вондрак в меморандуме, направленном Временному правительству, разъяснял политику Союза и подчеркнул, что без препятствий со стороны старого режима чехи и словаки в России имели бы уже не бригаду, а целый армейский корпус.

На III съезде Союза чехословацких обществ в 1917 г. Вондрак был избран только кандидатом. Свои действия при создании политической организации русских чехов, чешского войска из военнопленных Вондрак защищал в брошюре «Почему у нас до сих пор нет войска», которую он опубликовал накануне съезда. В отчете секретаря, представленном Вондраком, говорилось, что согласно депеше из главной ставки окончательно разрешена вербовка добровольцев в чехословацкое войско из числа пленных. После съезда из политики удалались бывшие руководящие деятели чехословацкого освободительного движения, в первую очередь Вондрак. Для них не представлялось никакой возможности дальше оставаться вовлеченными в работу освободительного движения. Вондрак на предложения о дальнейшем сотрудничестве не реагировал. На выборах в Учредительное собрание России в ноябре 1917 г. Вондрак выставил свою кандидатуру в списке русских конституционных демократов. После немецкой оккупации Украины весной 1918 г. он оказался в заключении и избежал смерти лишь благодаря ходатайству православного киевского архимандрита. После этого бежал в Новороссийск, в Добровольческую армию генерала А. И. Деникина, который отправил его делегатом в образовавшуюся Чехословакию [13, с. 79—80].

В начале 1919 г. в Одессе Вондрак зарегистрировался у уполномоченного представителя ЧСР в России как чехословацкий гражданин, а 4 февраля 1919 г. ему был выдан чехословацкий заграничный паспорт [6]. По решению муниципального совета Нусле он был прописан в данном районе города. На этом основании Вондрак и его жена София (Жофия) получили чехословацкое гражданство. В районном политическом управлении Краловске Винограды 20 мая 1921 г. он принял гражданскую присягу [6]. Перед своим отъездом в Ниццу, во Францию, Вондрак работал консультантом заводов Шкода [6].

17 мая 1925 г. Вондрак выступил на митинге, организованном национальными демократами Староместской площади в Праге, в честь Карла Крамаржа [14, с. 1]. В 1927 г. он опубликовал два документа. Первым из них было открытое письмо министру юстиции профессору Р. Майр-Хартингу, в котором он заявил протест против некоторых замечаний, сделанных Масариком в его книге «Мировая революция». Никого не называя, автор писал, что «генерал Штефаник высказывал мне якобы обоснованное подозрение в отношении одной из киевских личностей — это был бы единственный и редкий инцидент предательства» [15, с. 192].

Вондрак, будучи руководящим деятелем киевского направления русских соотечественников, ощущал себя задетым этими замечаниями: «...мне не остается ничего другого, как только принять на свой счет все вышеприведенные утверждения» [16, с. 1]. Он намеревался искать защиты у правосудия, но выяснил, что по Конституции президент не несет ответственности за свои действия и его нельзя, за исключением государственной измены, привлечь к уголовной ответственности. По утверждению Вондрака, «шло бы в разрез с самым прими-

тивным правовым пониманием, если бы кто-либо, имея привилегию неприкосновенности, мог совершенно безнаказанно затрагивать чувства отдельных граждан, пусть даже своих политических противников» [16, с. 1]. Поэтому он обратился к министру юстиции за советом и покровительством, «так как я оказываюсь перед лицом законов нашей республики беспомощный и беззащитный» [16, с. 1].

В 1927 г. Вондрак отправил обширный меморандум премьер-министру А. Швегле в связи с новыми выборами президента. Вондрак правильно заключил, что Швегла сосредоточил в своих руках решение о президентских выборах, и поэтому послал ему предупреждение, «пока еще не поздно» [17, с. 19]. Вондрак предостерегал от нового переизбрания Масарика, что якобы могло бы вызвать неприятное впечатление во всем мире, «подтверждая тот печальный факт, что Чехословакия — крошечная страна и бедна государственными деятелями, а при общем изменении направления ее внутренней политики у нее нет никого, кто бы смог представлять ее перед всемирной аудиторией» [17, с. 30]. Надеясь на формирование нового правительства чехословацко-немецкой гражданской коалиции без участия социалистов, он обратил внимание на тот факт, что предшествующее избрание Масарика в 1920 г. «происходило под раскат революционных лозунгов, в еще почти переворотном настроении. Но сегодня дела обстоят по-другому, республика выразила недвусмысленное желание к консолидации и окончательно отказалась от последующих экспериментов по большевистским примерам» [17, с. 30]. Вондрак утверждал, что «пожалуй, во всей республике не найдется чеха или словака, который был бы более чужд нашему национальному характеру и, следовательно, менее пригодным к должности президента, чем профессор Масарик» [17, с. 20].

Вондрака раздражал ряд отрывков из книги Масарика, в которых говорилось о чехословацком сопротивлении в России. Масарик подверг критике действия киевских чехов во главе с Вондраком, которые в январе 1915 г. требовали, чтобы Союз чехословацких обществ на Руси был признан правительством России в качестве представителя чешского народа. Масарик писал: «...ходатаям не пришло в голову, что необходимо иметь некоторую легитимность от народа, если в России они хотят пользоваться авторитетом, а правительство России не может устанавливать, кто будет представлять наш народ. Они могли представлять только наших поселенцев, российских граждан, будучи сами российскими гражданами» [15, с. 181].

Масарик в книге также подверг критике деятельность вондраковского Союза, который отстаивал мнение, что он является представителем всех чехов и словаков в России, в то время как Национальный чехословацкий совет Масарика представляет народ в международных делах. Вондрака также критиковали за то, что еще осенью 1916 г. он якобы определенно выступал, из-за опасения человеческих потерь, лишь за немногочисленное чешское войско. О военной комиссии Союза, возглавляемой Вондраком, Масарик выразился, что «члены комиссии были к нам враждебно настроены» [15, с. 194].

Вондрак в меморандуме сравнивал собственную деятельность, которая была направлена на создание чешского войска как одного из атрибутов будущего независимого государства, с предполагаемой нерешительностью Масарика, который гораздо позже публично начал свою международную акцию. Вондрак осудил Масарика за то, что тот якобы вел «систематические интриги против Союза чехословацких обществ на Руси, исключительно национальной и демократической организации, которая с первого момента войны в течение более двух с половиной лет управляла, финансировала, направляла и вела нашу освободительную борьбу за границы. Выдающиеся успехи Союза в области дипломатии и огромный размах его военных действий, особенно, в 1916 г., был бельмом на глазу претендентов на лидерство милостью Божией а-ля волей и миссией народа!» [17, с. 21]. По мнению Вондрака, даже Дюрих никогда не опустился до закулисных действий против Союза. В отличие от этого, усилия Масарика якобы были «направлены только на развал и подавление Союза, в котором он усматривал опасного противника его личных устремлений. Не упустил ни одного случая, чтобы не при-

чинить вред Союзу, неустанно подрывал его авторитет среди соотечественников, и не стеснялся осуждать Союз в глазах российского правительства...» [17, с. 21].

Вондрак утверждал, что ни необходимость концентрации всех сил, ни корректность и лояльность не уберегли Союз после Февральской революции, когда руководство освободительным движением в России было передано в руки Масарика и его соратников. Он обвинил Масарика в том, что тот «работал систематически и энергично на ниве перевоспитания национального сопротивления в социалистическую революцию. А когда войско было дополнено более чем половиной бездельников, которые записывались в легионы только тогда, когда видели, что в них единственное спасение от вожаемых завоеваний большевистского правительства, Масарик выиграл» [17, с. 22]. Вондрак обвинил Масарика, что он предал не только национальную Россию, но и союзников, не обеспечив помощь генералу Корнилову в организации сил против большевиков в то время, когда силы чехословацких легионов значительно превышали силы большевиков, особенно в период с марта по август 1918 г.: «Если бы Масарик остался верен России, той России, которой мы обязаны созданием нашего собственного войска, за тонкую дипломатическую поддержку идеи независимости чешского и словацкого народов, перед союзниками и всем миром, и обеспечил бы формирующейся Добровольческой армии организационную базу, как его просили об этом Корнилов и Алексеев, и как умоляюще об этом просили мы, русские чехи, то нет никаких сомнений в том, что еще бы летом 1918 года Добровольческая армия была в Москве» [17, с. 23]. Он обвинил Масарика в том, что его действиями руководили личные интересы: «Достаточно спросить себя, на какое место в Чехии мог претендовать Масарик, если бы национальная Россия одержала победу над большевизмом; а потому дружески пожимал руки, которые только что подписали Брест-Литовский мирный договор, ничуть при этом не оглядываясь на смертельную опасность, в которую повергал союзников и наше войско» [17, с. 23—24].

Корнилов и Алексеев, которых Вондрак называл «надежными генералами — демократами» (!), по его мнению, стремились не только сохранить Россию, но и восстановить Восточный фронт против Германии и Австро-Венгрии, а следовательно, перед чехословацкими легионами не стоял вопрос, с кем идти. Чехословацкое войско «если оно хотело остаться верным своим обязанностям и обязательствам, чести и исторической миссии, не могло действовать по-другому, чем сохранить лояльность к союзникам и идти с национальной Россией, которая, заручившись хорошо обеспеченным тылом, легко победила бы большевиков и сразу бы создала новый фронт против Германии, возможно, даже смещенный далеко на восток, но именно тем более опасный в связи с протяженностью коммуникаций. Во всяком случае, дальнейшее снабжение немецкого блока на Украине стало бы невозможным и заставило бы немцев сконцентрировать на новом фронте, по крайней мере, половину тех сил, которые после Брест-Литовского мира немцы перебросили против Франции. В этом заключается страшная измена Масарика... Он провозгласил ложный и совершенно невозможный лозунг нейтралитета, таким образом, не только убил национальную Россию, но и растянул войну, по крайней мере, на полгода...» [17, с. 24].

По мнению Вондрака, Масарик хорошо видел, что произошло после большевистского переворота в Киеве, при этом «спокойно разговаривал с киевским большевистским палачом Муравьевым и упивался тем, что даже Муравьев слышал о нем и чувствует к нему горячую симпатию» [17, с. 25]. Он упрекал Масарика в том, что тот сознательно дезориентировал США, утверждая, что русское монархистское движение слабое и союзникам не стоит его поддерживать. По его мнению, Масарик свои организаторские способности в Америке полностью предоставил на службу большевикам, поскольку отговаривал союзников от вмешательства в дела России потому, что якобы после Брест-Литовского мира союзники не имеют никаких обязательств по отношению к России. В этом Вондрак разделяет мнение американского историка польского происхождения Ричарда Пайпса, по мнению которого «Масарик наделил больше-

виков такой большой симпатией, что настаивал на соглашении, которым бы *de facto* (подчеркнуто в оригинале. — Я. В.) было признано их правительство» [18, с. 495]. А это, как считал Вондрак, очень подходило Д. Ллойд Джорджу, который «очень быстро усвоил мысль, что большевистская диктатура действительно является ужасным несчастьем для России, но не для Великобритании» [17, с. 26]. На совещании Военного кабинета 22 июля 1918 г. Ллойд Джордж даже заявил, что Лондону безразлично, какое правительство сформируется в России: республика, большевистское государство или монархия [18, с. 519].

Меморандум В. Вондрака был опубликован только спустя 30 лет изгнания во Франции и Чили, в 1958 г. в Кельне. Несмотря на свою субъективность, он заставляет задуматься о возможностях и пределах тогдашней чехословацкой политики по отношению к России. Чехословаки могли использовать в качестве форпоста, но для кого? Антанта не пыталась прийти к ним на помощь, хотя щедро давала советы и рекомендации. Не спешили помочь и русские, настроенные против большевиков. Под давлением Антанты чехословаки попытались объединить российские политические группировки в Поволжье и Сибири, но безуспешно. Взаимные споры между русскими (Комуч и правительство в Омске) чехов раздражали [18, с. 520]. С другой стороны, правительство Ленина получило в то же время немецкую поддержку в соответствии с тремя секретными статьями дополнительного соглашения от 27 августа 1918 г., в которых немцы ожидали от русских немедленного использования всех имеющихся ресурсов, необходимых для ослабления восстания генерала Алексева и чехословаков [18, с. 525]. В этой ситуации представления Вондрака кажутся нереальными, а его критика Т. Г. Масарика была несправедливой, потому что политическая линия Масарика была более реалистичной. Он думал прежде всего о сохранении чехословацкого войска, чтобы оно не растворилось в хаосе всеобщей разрухи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Čechoslovan. 1914. № 10.
2. Ruský Čech. R. 1. 1906—1907. № 9.
3. Národní archiv Praha. Fond Národní rada česká. On. 324/3.
4. Čechoslovan. 1912. № 1.
5. Pospíšil A. Československá duševní armáda na Rusi. Praha : Národní rada československá, 1926. 112 s.
6. Archiv hlavního města Prahy. Fond Ústřední sdružení Čechů a Slováků z Ruska. On. 20. D. 285.
7. Ústřední vojenský archiv — Vojenský historický archiv Praha. Fond Svaz československých spolků na Rusi. On. 6.
8. Beneš Edvard. Světová válka a naše revoluce : vzpomínky a úvahy z bojů za svobodu národa. [Díl 3], Dokumenty. Praha : Orbis, 1931. 685 s.
9. Národní osvobození. 1924. № 1.
10. Попов А. Чехословацкий вопрос и царская дипломатия в 1914—1917 гг. // Красный архив. 1929. № 33. 231 с.
11. Věstník Ústředního svazu Čechů a Slováků z Ruska. 1936. № 12.
12. Beneš E. Světová válka a naše revoluce : vzpomínky a úvahy z bojů za svobodu národa. [Díl 1], Dokumenty. Praha : Orbis, 1928. 537 s.
13. Čechoslovák. 1922. № 3.
14. Věstník Ústředního svazu Čechů a Slováků z Ruska. 1925. № 9.
15. Masaryk Tomáš Garrigue. Světová revoluce za války a ve válce 1914—1918. Praha : Orbis, 1925. 650 s.
16. Fronta. 1927. № 8.
17. Vondrák Václav. Vondrák contra Masaryk / Předml. Vl. Pekelský. Köln : Bohemia, 1958. 38 s.
18. Pipes Richard. The Russian Revolution. New York : Knopf, 1990. 944 s.

Статья поступила в редакцию 8 ноября 2015 г.